

А.А. Вознин

ДАЛЕКО- ДАЛЁКО

книга Первая

18+

Андрей Вознин

Далеко-далёко (книга Первая)

«Автор»

2026

Вознин А. А.

Далеко-далёко (книга Первая) / А. А. Вознин — «Автор», 2026

Приключения экипажа с разбившегося старшипа "Индигир" на спутнике Мас-а-Тьерра.

© Вознин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Вознин

Далеко-далёко (книга Первая)

Глава 1

— Вахту сдал!

— Вахту принял!

Уходящая в глубь веков традиция продолжала неукоснительно соблюдаться и на самых современных кораблях космического флота Земной Федерации. А сколько за это время прошло смен вахтенных — начиная с древних финикийцев и заканчивая нашей нынешней пере-сменкой — даже представить страшно. Но приятно осознавать себя на вершине этой бесконечной людской пирамиды.

Благополучно передав бразды правления «Индигиром» в надёжные руки Евгена — нашего второго пилота, я спокойно направился на камбуз перекусить. Собачья вахта, она и есть собачья — полный желудок перед сном удовольствие ниже среднего, но не ложиться же натошак, в самом деле! Я всё-таки штурман дальнего космоса первого класса, со всеми вытекающими...

— Тимофей, чего желаете?

Современные коки давным давно перестали быть людьми, а приготовление пищи в виде варки и жарки осталось в далёком прошлом — пищевые принтеры, обладающие неплохим интеллектом, теперь и кок, и собеседник для развлечения жующего экипажа. В дальних переходах команда в полном составе собирается крайне редко, разве что порой обсудить решения триста двадцать второго партийного съезда. А так, в лучшем случае за столиком могла оказаться лишь пара человек, или как сейчас — один я такой голодный. И потому простое человеческое общение вместе с пищей подавалось только от искусственного интеллекта. До чего дошёл прогресс — искусственная еда, искусственный собеседник. Ладно, хотя бы жёны ещё настоящие... Во всяком случае, пока... И не у всех...

— А что есть поесть? Огласите весь список... Пожалуйста.

— Абон, Абхазури, Авголемено, Агнес Бернауэр (торт)...

— Стоп машина! Задний ход! — прервал я искусственного кока, пустившегося в перечисление бесконечного меню, которого хватит на весь долгий путь в полгалактики, — Я пошутил на счёт — огласите...

— А-а-а... Смешно. Кинофильм «Операция Ы и другие приключения Шурика». Кинофильм снят на киностудии...

— Прекрати! — поспешил я пресечь очередные словесные дебри, но уже от архивов киноиндустрии. Всё-таки наш кок запрограммирован на слишком буквальное исполнение одной из своих задач — обеспечить экипажу простое человеческое общение. Наши инженеры даже отключили объёмную визуализацию его лица — кок не так раздражающе действует в виде бестелесного голоса.

— Два куска белого хлеба с маслом и зелёный чай.

— Овсянку?

— А чего не добавляешь — сэр? — не смог удержаться, чтобы не залезть под виртуальную кожу.

— Овсянка, сэр! — ожидаемо провозгласил кок в стиле ветхозаветного Бэрримора.

— Сам ею питайся! — в ответ хмыкнул я.

— Но...

Ежедневная пикировка со слишком прямолинейным коком послужила приятным завершением сегодняшней вахты. И откушав два бутерика с маслом, я направился в каюту.

Небольшие размеры ремонтного корабля дальнего космоса «Индибир» предоставляли экипажу совсем миниатюрные жилые пространства — такие пластиковые короба, ничем существенно не отличавшиеся от бочки Диогена. Разве что индивидуальные. Ну, так и Диоген жил в индивидуальной таре. Но на поспать места более чем достаточно. И даже кое-какие личные вещи рассовать по рундуку. И с мыслями о древней Греции я покойно закрыл глаза...

Вырвал из мягких лап Морфея оглушительный рёв аварийного ревуна. Что за... Я вскочил, и ещё плохо соображая что и как, схватил подмышку комбез, ПДА и прямо в трусах кинулся в рубку. Пока бежал, гадал, что могло приключиться — пожаром не пахло, разгерметизации не ощущалось, да и сам корабль не трясся в предсмертных судорогах. Вообще, ремонтники очень надёжные корабли, и на моей памяти никаких серьёзных происшествий с данным типом не случилось.

Когда забежал в рубку, там уже присутствовали оба пилота, пристёгнутые к ходовым креслам, и механик у технического экрана. При том все в скафандрах. Первый пилот Семён, он же командир «Индибира», кивнул мне:

— Быстро снаряжайся и пристёгивайся, у нас критическая ситуация.

В чём её такая уж критичность я интересоваться не стал — когда пилоты за пультом управления, лучше их не отвлекать пустыми расспросами. Быстро втиснулся в свой скафандр, пристегнулся на штурманском месте, проверил нашу диспозицию по картографическому монитору. Ничего там такого опасно страшного не заметил и тихо спросил у механика:

— Гера, что там?

— Идёт девятибалльная гравитационная волна. Удар придётся через три минуты.

Я тихо присвистнул. Если в обычной метрике гравитационные волны ещё надо искать, то в ноль-пространстве сколько-нибудь мощная вполне способна наломать дров из нашего корабля, что уж говорить о девятибалльной — этакой аналогии девятого вала для древних мореходов.

— Успеваем выйти? — Спросил чисто риторически — и так ясно, что не успеваем.

Гера лишь печально помотал головой.

— Экипажу приготовиться. Закрывать забрала шлемов!

Я щёлкнул в ответ шлемом и почувствовал лёгкое давление на ушах. Герметичность на высоте, только вот спасёт ли она? Большой вопрос. А если и спасёт, то куда нас выкинет? Я, как штурман, могу сейчас лишь очень приблизительный район назвать — плюс-минус пара парсек. И сохранившаяся герметизация лишь продлит агонию в открытом космосе. Единственное, что служит хоть каким-то утешением — пока буду задышаться, смогу вволю налюбоваться дивными красотами открытого космоса. Эх... Вот оно, исполнение детских мечт...

Удар! Корабль подбросило, вдавливая нас в страшно заскрипевшие кресла, и тут же замотало, закрутило. И от диких перегрузок я потерял сознание...

Очнулся от того, что кто-то от души хлестал меня по щекам.

— Что такое? — Я открыл глаза.

— Вот и хорошо! — Передо мною стоял Георгий. И уже обращаясь к кому-то, пока мне невидимому, — Штурман очухался.

Когда попытался проследить взглядом за невидимым собеседником, шея так оглушительно захрустела, что я запереживал — не отвалится ли сейчас моя голова... Не отвалилась.

А невидимым собеседником был Семён. Он сейчас приводил в чувство лежавшего на палубе второго пилота — Евгения.

Я прислушался к ощущениям — ничего вроде нестерпимо не болело. В свою очередь, сам корабль не трясся, не вибрировал, не свистел улетающим в космос воздухом. Что также не могло не радовать. Но радоваться не хотелось. Судя по всему, корабль находился в привычной метрике, но вот только где и в каком состоянии? И сможем ли мы вновь перейти на суб-режим, большой вопрос. При том, долгой жизни или мучительной смерти.

— Штурман, быстро определись с расположением, — командир, приведя в чувство Евгения, обратился ко мне, — У нас в запасе не более трёх дней на поиск, куда притулиться. А затем...

Он многозначительно не стал вдаваться в подробности, которые, видимо, не обещали ничего радужного и даже в плане маленьких радостей жизни. Я сел за рабочее место...

— Командир, нас зашвырнуло в границы звездной системы NGC-X-45-2432. Видимо, произошёл тот самый случай — один на миллион, когда гравитационная волна, слинзированная в гравитационном поле местного звёздного скопления, походя нас зацепила. И судя по местным гравитационным пикам, неподалёку есть несколько планет в зоне обитаемости. Более точное позиционирование не дам, поскольку приёмная аппаратура накрылась. Но, может, повезёт, и найдём что-нибудь приемлемое для высадки, — доложил по итогу я и в заключение доклада спросил, — Удалось связаться с базой?

— Связь утеряна. Внешнее оборудование с обшивки, как корова языком слизнула. Мы теперь глухи, частично слепы и полностью немы. Не хочется проводить параллели с теми обезьянами, но ситуация вполне схожа...

— А чем для них это закончилось? — неожиданно заинтересовался вот только пришедший в себя Евгений.

— Для кого?

— Да для тех обезьян...

— Обезьян? — растерялся командир, и немного подумав, ответил, — Как-как, плохо!

И мы все дружно посмотрели друг на друга. Как-то не хотелось примерять шкуры тех самых обезьян...

В течение следующих трёх суток удалось обнаружить вполне приемлемое место на переждать — один из спутников планеты-гиганта оказался вполне пригоден для жизни и без скафандров. И это была прекрасная новость. Оставалось только произвести посадку на весьма потрепанном гравитационным штормом корабле.

Когда всем удалось живыми выбраться на слишком твёрдую поверхность, Семён скупко прокомментировал:

— Посадка была напряжённая...

И глядя на в труху разбитый «Индибир», все дружно согласились, что нашему командиру удалось добиться того, что оказалось не под силу и всемогущей гравитационной волне.

— А теперь займёмся обустройством жилья и лишь потом соображать, что делать и как быть, — невозмутимо озвучил он план дальнейших действий.

Вид с поверхности, на которую волею случая и гравитационной волны нас выбросило, открывался захватывающий: скалистые пики вокруг устремлялись в тёмно-бирюзовые небеса, где прямо над нашими головами в окружении многочисленных спутников висела сама планета-гигант; и всё это великолепие отражалось в кристально чистой воде небольшого озера неподалёку; повсюду необычно привычная человеческому глазу зеленая растительность с огромными яркими цветками. Даже удивительно. И хотя этот пейзаж совсем не напоминал

земные уголки дикой природы, но что-то родное в нём, тем не менее, неуловимо присутствовало.

Жилые помещения на «Индиgire», лежавшем среди красот чужого мира на боку, использовать теперь по прямому назначению никак не получалось — само перемещение в перекосившихся от удара коридорах и каютах представлялось ещё тем аттракционом. Совсем не увлекательным и очень опасным. Потому, порыскав по округе, выбрали в качестве временной базы небольшую сухую пещеру. Даже и не пещеру, а приличное углубление в скале, но способное дать какую-никакую крышу над головой и защитить от ветра. По моим предварительным расчетам, проведённым, когда подлетали к этому спутнику, средне дневная температура на поверхности держалась в районе двадцати градусов по Цельсию и незначительно колебалась в тёмное время суток. Смесь газов в атмосфере находилась в оптимальном составе, а сила притяжения лишь незначительно отличалась от земной — видимо, у спутника было довольно увесистое ядро. И потому, если особо не всматриваться в окружающий пейзаж, почувствовать разницу с Землёй казалось сложно. Или мы слишком давно не были на родной планете.

Первая ночь, проведённая у костра, запомнится мне теперь на всю оставшуюся жизнь. И хотелось надеяться, что на долгую и счастливую. Если, конечно, удастся связаться со спасателями.

— Экипаж, подъём! — Командир решил не ослаблять узды правления, чтобы в непривычной обстановке дикой природы не расхолаживать людей. Ведь, как известно, без руководящей и направляющей людской коллектив способен быстренько так переродиться в стадо баранов. А там и за появлением «волков» дело не заржавеет.

По счастью, наш кок отделался, как, впрочем, и сам экипаж, лёгким испугом — и теперь, подключенный к небольшому генератору, предлагал к завтраку на выбор — овсянку, хлеб с маслом и кофе. Овсянку с аппетитом умяли только инженеры. Остальные ограничились традиционной для флота утренней парой кусков хлеба с маслом.

После лёгкого завтрака Семён собрал экипаж на первое на этом спутнике рабочее совещание, где и нарезал всем задач на день:

— Инженеры, вам провести ревизию, что из оборудования на корабле может пригодиться для проживания и для организации связи с Землёй. Сами понимаете — никто не желает стать здесь основоположниками новой цивилизации. Да и полное отсутствие женщин на этом благом намерении ставит жирный крест. И потому наше единственное спасение — подать сигнал бедствия. Каким образом, не знаю. Вы же у нас инженеры, вам и карты, точнее, инструменты в руки. Задача штурману — оказывать посильную помощь в плане разбора завалов и переноса тяжестей. Остальным во главе со мной — исследовать окружающую действительность на предмет угроз от местной флоры и фауны, поиск пригодного для людей пропитания, обустройство жилища для комфортного времяпрепровождения. Приступаем незамедлительно!

И экипаж волею руководителя разделился на две рабочие группы.

— Тимофей, выдвигаемся на «Индиgир», — позвал меня инженер Владимир, назначенный командиром за главного.

Всего на «Индиgire», нашем корабле-ремонтнике, по штатному расписанию предусматривалось две должности инженеров, равнозначных в своих иерархических статусах. Меж остальными членами экипажа их за глаза прозвали «пассажирами», поскольку во время длительных межзвёздных переходов инженерам заняться абсолютно нечем. Разве что в перерывах между бесконечными инвентаризациями складских запасов и мелким ремонтом вышедшего из строя оборудования убивать время откровенным бездельничеством. Всё менялось только с прибытием на очередную точку — либо ретрансляционную станцию, требующую профилактики или ремонта, либо на одну из дальних планетарных баз, где человеческий гений простых вахтовиков в очередной раз сумел изломать даже самую надёжную аппаратуру. Там мы меня-

лись местами — экипаж культурно отдыхал, пока инженеры в поте лица чинили, ремонтировали и настраивали требующее починки, ремонта и настройки оборудование.

Однако сейчас мы плыли в одной лодке. А чтобы она не стала шлюпом в один конец старика Харона, их интеллектуальные и мои физические усилия требовали объединения.

Бедный «Индибир», странным образом повторивший судьбу легендарного корабля «Индибирка», огромной громадой искорёженного металла беспомощно лежал на боку...

И пробраться до складских помещений оказалось ещё той нетривиальной инженерной задачей — нас ожидали и перекошенные коридоры, ощерившиеся острыми клыками порванного металла, и несколько заклинивших дверей. А восхождение по ведущим в непонятном направлении скрученным спиралью трапам служило, наверное, финальным испытанием после минования предыдущих препятствий. Радовало только, что путь назад с грузом предстоял уже через погрузочный люк. Мы бы с удовольствием через него и внутрь проникли, только вот открыть его возможно только изнутри.

Как ни странно, аварийное освещение функционировало, и решать проблемы с ориентацией в кромешной тьме не пришлось. Всё-таки запас прочности у нашего корабля оказался приличный — пережить гравитационную волну и умелую посадку от командира...

Склад представлял пред требовательными взорами в своём естественно-обычном состоянии — всё разбросано и отыскать любую запасную часть или электронный блок настоящая головоломка. Но инженеры в этом хаосе чувствовали себя как рыбы в воде. От меня только то и потребовалось, что оказывать посильную помощь в разборах особо великих завалов и в сортировке запасов на три группы — целые, слегка поломанные и откровенный металлолом. По итогу Владимир мрачно констатировал:

— А оборудование перенесло удар о твердь не намного лучше самого корабля. Жаль. Блоки дальней космической связи восстановлению не подлежат. А вот прочие радио-электронные комплексы избежали печальной участи небытия. Но только что это нам даёт? Пеленговать крупную дичь во время охоты? Или исказить пространственно-временную метрику? Да-а-а, уж.

— А что, их никак не приспособить для нужд связи? — наивно удивился я, — И там, и там простая электроника.

— Простая, говоришь? — И Владимир искоса посмотрел на меня. — Может, какое рацпредложение толкнёшь? У нас на предприятии за дельную рацуху премии дают.

Я стушевался — честно говоря, в электронике совсем ни бельмеса. Лишь как продвинутый пользователь штурманской аппаратуры и искусственного кока. Хотя... Теперь ещё и профессиональный её носильщик.

Инженеры отобрали несколько блоков, пояснив, что те позволят отпугивать местных хищников, если такие, конечно, здесь имеются, или, как вариант, кровососущих насекомых. Что на мой дилетантский взгляд, очень даже полезное применение для сложной радиоэлектронной аппаратуры.

Люк наружу перекосило, и открывали мы его часа два, основательно умаявшись. Но теперь доступ к запасам был самый непосредственный, без этих пугающих плутаний по лабиринтам

искорёженного корабля.

— Чем порадуете? — поинтересовался по нашему возвращению командир.

— Ничем хорошим, — ответил Владимир, — Связи не было и не будет. Все запасные внешние блоки и приёмно-излучающие устройства расплющило запасным генератором.

— Плохо, — прокомментировал нерадостный доклад командир, — А мы тут всё в округе разведали...

Как оказалось, «Индибир» приземлился, точнее — упал, в старый метеоритный кратер. И местное озерцо, это, видимо, заполненная водой центральная воронка. Благодаря такому вот стечению обстоятельств, наше пристанище защищалось от прочей дикой природы стенками кратера, от ветровой эрозии превратившимися в острые горные пики. А ввиду изрядной давности падения метеорита, местную изолированную фауну единственно представляли только некие подобию наших землероек, в отличие от здешней флоры, коя цвела и колосилась в значительном разнообразии. Впрочем, в достатке имелись ещё и вездесущие насекомые. Анализ цветов показал их нейтральный статус к человеческому организму. Но на счёт насекомых командир так не был уверен. Слишком их много здесь летало, ползало и прыгало. Всех не исследуешь. И потому экипажу посоветовали быть начеку.

По итогам первых дней жизни на спутнике командир собрал утреннюю оперативку. Коротко, минут за сорок, доложил о результатах обследования имеющегося в рабочем состоянии оборудования на корабле, итоги натурных изысканий метеоритного кратера.

— Какие предложения? — задал вопрос участникам совещания.

Озвученные перспективы зависнуть в этом райском уголке на неопределённое время, а может и на всю жизнь, заставили присутствующих пригорюниться. И только кок, включённый в действующий экипаж, бодро предложил всем по чашке кофе.

— Может, всё-таки попробовать собрать из имеющегося бесполезного электронного хлама узел связи? — Я таки решил попытаться привлечь к поискам выхода наших инженеров.

— Есть мысли — как? — спросил капитан.

Я пожал плечами.

— У нас же целых два инженера по данному профилю!

— Но-но! — воскликнул Владимир, — У нас у каждого свой профиль.

— Тем более, — поддержал я, — Значит, у нас два инженера общего широкого профиля.

Названные широкопрофильными инженеры переглянулись и разве что пальцами у виска не покрутили. Я же не отставал:

— На складе полно вполне работоспособных блоков. Они разве не взаимозаменяемы?

— Так, — бразды правления снова оказались во властных руках командира, — Владимир, поясни, что имеется в наличие, чего не хватает для организации связи, и что думаете в плане поиска решений. Вы ж как-никак инженеры, а это звучит гордо.

— Как бы это гордо ни звучало, но без надлежащей оснастки инженер это только голова и руки, — за обоих инженеров ответил Владимир.

— Не самая глупая голова и не самые кривые руки, — согласился командир.

— Ладно. Если коротко и по верхам, — начал просветительскую деятельность Владимир, — В любом космическом аппарате в том или ином виде имеется аппаратура телеметрии, бортовые информационные системы, аппаратура связи и ретрансляции, навигационная аппаратура, системы управления и система...

Но не успел он закончить короткий и по верхам доклад, как на нас, удобно расположившихся на небольшой полянке, свободной от высокого кустарника и травы, упала огромная тень. Мы синхронно задрали головы и...

Над нашими головами медленно проплывал тёмный силуэт крылатого чудовища. Просто гигантского чудовища! Точно назвать размеры я не берусь, так как неясна была высота полета, но поскольку мы оказались в тени, летел он не шибко высоко. Мы буквально окаменели — кто знает, чем питаются эти твари? Явно же не землеройками. И если даже человек ему придётся не по вкусу, то для бедолаги, которого попробуют на зубок, это станет слабым утешением в желудке летающего монстра.

В этот раз крылатая тварь улетела. Или не заметив ничего съестного, или пока была сыта и оставила нас про запас на будущее. Но нам запасами быть совсем не улыбалось.

Такая впечатляющая демонстрация представителей местной фауны резко поменяла повестку совещания.

— Более насущный вопрос, — прервал доклад Владимира командир, — Сможем ли что-то противопоставить этой летающей твари? Наше табельное оружие оказалось в месте контакта корабля и поверхности с соответствующими неутешительными последствиями. Но защищаться теперь необходимо. Что скажет инженерия?

— Мы прихватили блок сканирующего устройства системы позиционирования. Попробуем им облучить летуна. Морфология иных организмов неизвестна, но, возможно, и отпугнёт.

— На этом пока прерываем совещание. Действуйте!

Пока инженеры настраивали защиту от крылатых монстров, остальные члены экипажа продолжили обустройство нового жилища — выкладывали очаг, из чехлов смастерили полог, перекрывающий от ветра вход, вымели мусор и ненужное соседство из мелких скачущих насекомых.

Когда электронная защита встала на страже мирного неба, а пещера приобрела вполне обжитой вид, командир предложил сделать вылазку за цепь гор, окружающих зону высадки. Требовалось понять, чего ещё можно ожидать неприятного от местной крупнотоннажной фауны. Вооружались по примеру первобытных людей — самопальными луками и копьями. Благо, поставщиком металла для острых наконечников служил многотонный корабль.

— Мы за периметр, — командир обратился к остающимся на базе инженерам, — Владимир, за главного. Ваша задача — всё-таки постараться придумать, как нам сообщить о себе на Землю. Отговорки типа — это невозможно и нет таких технологий — не принимаются. Задействуйте нашего кока, какой-никакой, а искусственный интеллект. Где определяющее слово — интеллект.

И мы выдвинулись в поход. Первым, как и полагается вождю нового племени, двигался Семён.

Переход через местные «Альпы» не вызвал особых проблем — всё-таки стенки ударного кратера это не выход скальных пород, и эрозия со временем существенно их потрепала. Так ещё и пониженная сила тяжести играла нам на руку, точнее — на ногу, делая подъём не столь тяжким, как это было бы на родной Земле. И в награду за труды наивысшая точка хребта представила прекрасную возможность рассмотреть пространство за пределами нашей нынешней зоны обитания.

Сам спутник, многозначительно названный нами Мас-а-Тьерра, оказался совсем небольшим, с заметной кривизной линии горизонта. И, наверное, пешим порядком его возможно обойти по экватору не напрягаясь за пару месяцев. Потому богатство местной биосферы откровенно удивляло. По-хорошему, правильной эволюции в таких стеснённых условиях просто негде развернуться. Насколько я помнил, землянам пока не встречались подобные спутники. Так что за экипажем «Индигира» устанавливался приоритет подобного открытия. В анналы истории мы себя вписали... Или, точнее, можем вписать при известном везении.

До самого горизонта, непривычно здесь близкого, тянулись ввысь отдельно стоящие деревья. Просто огромные деревья! Куда там земным секвойям. Такое впечатление, что, забравшись по стволу одного из этих чудо-деревьев, окажешься прямиком в ближнем космосе. Удивительные растения.

— От деревьев держимся подальше, — неожиданно предупредил командир. — Кто же знает, что там произрастает в кроне наверху. А упавший с такой высоты переспевший плод, пускай даже размером с жёлудь, вполне способен проломить голову. Есть, конечно, надежда на пониженную силу тяжести, но рисковать целостностью своего черепа чего-то не хочется.

И все согласились с нежелательностью таких натуральных экспериментов. А довольно значительные расстояния между отдельными деревьями позволяли легко это реализовать. Видимо,

местные «секвойи» ещё те индивидуалисты и не терпели близкого соседства. Либо, что вероятнее, их кормовая база сильно ограничена местными реалиями.

Наш отряд, ощерившийся самопальными копьями, медленно проникал всё глубже в terra incognita. Летучих монстров пока не наблюдали, как и прочую крупную живность. За исключением гигантских деревьев, местный пейзаж не сильно отличался от нашего в метеоритном кратере — те же повсюду буйно цветущие растения, кое-где небольшие озёрца с прозрачной водой, видимо, в мелких метеоритных воронках, жужжащая да стрекочущая насекомая братия и огромная планета с многочисленными спутниками, нависающая над самой головой.

— Может, тяготение планеты вызывает такой буйный рост деревьев? — предположил Георгий. — Но почему нет крупных животных? Я думал, это только у нас в кратере. Так сказать, особенности замкнутой экосистемы. Но нет, здесь тоже только мелочь пузатая да насекомые, и все не крупнее наших воробьёв. Хотя кормовой базы для травоядных предостаточно — ешь не хочу.

— И это напрягает... — согласился командир, — Как бы и нам не оказаться жертвами такой вот непонятной пока избирательности. Неспроста это, ох неспроста!

— Так и летающих ящеров незаметно что-то, — поделился наблюдениями я, — Куда они все подевались? Не единственный же он на весь спутник! Должны быть и другие, хотя бы для размножения.

— Может, в кронах прячутся? — предположил Евгений.

Когда мы довольно далеко забрались в своей исследовательской миссии, внезапно раздался тихий свист, и рядом в почву воткнулось приличных размеров копьё. Мы даже присели от неожиданности обстрела!

— Аборигены? — ошарашенно удивился Георгий, — Здесь?

Но сколько мы ни озирались, обнаружить нападавших никак не получалось, пока второе не воткнулось чуть далее. Когда осмотрели «копья» вблизи, до нас наконец дошло, что это те самые «плоды»! Так сказать, самозакапывающиеся саженцы, при том с оперением для стабилизации полёта и планирования на некое удаление от «яблони». Видимо, таким способом деревья осуществляли захват прилегающих территорий. И эти «копья» оказались намного более удобными в обращении, чем наши самопальные — достаточно лёгкими, очень прочными, с острейшими наконечниками. Не долго думая, мы перевооружились на так кстати предоставленный арсенал от самой матушки природы.

— Но не хотелось бы оказаться поблизости, когда урожай окончательно поспеет, и произойдёт его массовый сброс. Это будет даже хуже стаи Стимфалийских птиц, — держа на весу «копье», глубокомысленно изрёк Георгий.

— А когда это может произойти? — поинтересовался я. — Не хотелось бы оказаться пронзённым насквозь таким вот «жёлудем».

— Ну, судя по виду и гибкости древка, несколько дней есть. Но ничего нельзя утверждать наверняка. Я же всё-таки не астробиолог. Хорошо хоть в нашем закутке эти монстры не произрастают.

— Да-а, повезло, что стенки кратера не дают возможности залетать этим «плодам» к нам, — согласился командир и добавил, — И возможно, отсутствие на спутнике крупных животных объясняется таким вот способом размножения местных деревьев.

— А чем питаются тогда летающие монстры? — спросил я, не сильно веря в отсутствие крупных животных форм.

— Может, листвою деревьев? — предположил Евгений, — Тогда они вполне мирные вегетарианцы, и нам ничего не угрожает... Кроме самих деревьев.

Пока мы так глубокомысленно рассуждали о местной флоре и фауне ещё пара саженцев решила углубиться в почву неподалёку от нас. При том совсем неподалёку.

— Хм-м-м. А артобстрел всё ближе. Не находите? — неожиданно изрёк командир. — Странно это как-то. Ведь пока нас тут не было, «плоды» не падали!

И словно в подтверждение наблюдения, очередное «копье» воткнулось буквально в шаг от механика, вызвав нездоровую бледность его лица.

— Ай!

— Проклятье! Воздушная тревога! Бежим! — крикнул командир, и мы дружно ломанулись обратно к родному кратеру.

И наш бег тут же вызвал целый ливень «саженцев». Мне одно из «копий» оцарапало руку, Евгений счастливо отделался шлепком оперения по лицу. Спасало только значительное расстояние между деревьями, и чтобы долетать до своих целей в нашем лице, саженцам приходилось преодолевать довольно значительные расстояния. Но так быстро я ещё никогда не бегал!

Передохнуть удалось только у самого подножия «гор», где кроме травы поблизости никаких деревьев не наблюдалось. И мы долго отдувались после пробежки, с трудом восстанавливая дыхание. Всё-таки профессия космонавт и марафон мало совместимы.

На том ознакомительная экскурсия по местным достопримечательностям счастливо закончилась.

— Что-нибудь надумали? — На следующий день на утренней оперативке командир вернулся к обсуждению, прерванному появлением летучего монстра. — У нас, вообще-то, назревает очередная критическая ситуация — флора и фауна по ту сторону горного хребта не обнадёживает ни в плане мирного сосуществования, ни добрососедства. Как бы нам не повторить на этом спутнике массовое вымирание крупных животных форм.

Но инженеры в ответ лишь грустно развели руками. Видимо, даже сказать им оказалось нечего.

— Это что, и кок не помог?

— Да толку-то от него... — безнадёжно махнул рукой Владимир.

— Но-но! — совершенно неожиданно вклинился охочий до разговоров с экипажем кок. — Можно подумать, меня кто-то спрашивал!

— А что, есть идеи? — удивился командир.

— Я присутствовал при всех обсуждениях, и кое-какие мысли имеются...

— У тебя? Мысли? — дружно удивился уже весь экипаж.

Вот если бы кок был человеком, то после столь откровенно проявленного скептицизма, я думаю, он бы обиделся. Но кок не человек, и программным кодом не предусматривается такая специфическая функция — обижаться.

— Инженеров поставила в тупик невозможность использования вышедшего из строя узла связи.

— Так иных узлов связи у нас как бы и нет, — прокомментировал спич кока Владимир. — Чем же нам ещё передавать нужную информацию?

— В пример приведу собственную искусственную личность. После отключения инженерами функции визуализации лица эмоциональную составляющую своей искусственной личности я передаю цветом и формой продуктов.

И мы дружно воззрились на нашего коварно лишённого виртуального лица кока.

— Чего?

— Объясняю... Для передачи информации подходит любое средство, хотя бы минимально поддающееся бинарной модуляции — цвет чёрный-белый, форма большой-маленький, круглый-квадратный, ну и прочее. Но существуют и более сложные методы, например, последовательность Фибоначчи. Здесь имеется прямая корреляция — для использования минимальной бинарной модуляции требуется большее количество элементов — так количество зёрен риса и изюма в утренней каше совершенно достаточно для создания сложных информацион-

ных паттернов. Но два куса хлеба на завтрак уже накладывает ограничения на применение бинарного кода. Однако узор маслом вполне способен передать смысл золотого сечения...

— Э-э... Постой, — прервал говорливого кока, способного часами изъясняться на самые отвлечённые темы, командир, — К чему нам эта теория информации?

— Если нет узла связи и не предвидится, нужно найти иные способы модуляции. Требуется лишь, чтобы данные модуляции оказались в пределах регистрирующей аппаратуры Земли, способной их зафиксировать...

Гробовая тишина была ответом нашему, как оказалось, удивительно умному коку. Не знаю, кто что себе мысленно представлял, а я лишь удивлялся далеко некулинарным способностям искусственного интеллекта.

— Двигатель Павлова! — вдруг страшным голосом произнёс Владимир.

— Что — двигатель Павлова? — страшными голосами закричали остальные.

— Модуляция гравитационного поля!

Все вновь замолчали, но уже боясь хотя бы единым звуком разрушить внезапно возникший хрустальный замок надежды.

— Вариативность мощности! — первым воскликнул инженер Василий.

— Да! — подтвердил Владимир. — Достаточно двигателя Павлова с системой управления. Попробуем реализовать иной принцип связи.

— Достаточно — Это как? — спросил командир.

Владимир с сомнением посмотрел на далёких от инженерии членов экипажа.

— Рассказывай. У нас, у всех здесь присутствующих, вообще-то техническое образование, — развеял сомнения командир, — Что позволяет с тем или иным коэффициентом усвояемости воспринимать новую сугубо техническую информацию. Так сказать, мозги соответствующим образом с институтов заточены.

И Владимир, видимо, смакуя найденное нетривиальное решение проблемы, начал подступать к объяснению с самых отдалённых окраин:

— В принципы радиосвязи, надеюсь, не надо углубляться?

— Имеешь в виду — генерация электромагнитных волн определённой модуляции, излучение на расстояния, и её последующий приём с декодированием?

— Хорошо, — довольно потёр руки Владимир, — Только в настоящее время для ускорения связи электромагнитная волна особым образом модулированная передаётся по ноль-пространству, где перемещаются все современные космические корабли. Всё-таки ограничение в триста тысяч для базового пространства-времени никто не отменял.

Пилоты, механик и я многозначительно кивнули, типа — это элементарщина, давай, не томи, излагай дальше!

— В нашем случае вся антенная оснастка и высокочастотный генератор накрылись медным тазом. И замены им нет. То есть смодулировать исходный сигнал мы теоретически можем, но вот передать его по ноль-пространству нет.

— И какой выход?

— Как предложил кок — иной принцип передачи информации. Без электромагнитной волны.

— Каким образом? — озвучил общее недоумение командир.

— Используем гравитационное поле! — Владимир сделал театральную паузу, оценивая произведённый эффект. — В качестве несущей волны используем гравитационные волны, а роль излучателя возложим на двигатель «Индигира».

— Объясни, как такое возможно...

— При преодолении ноль-пространства двигателем Павлова создаются искажения структуры гравитационного поля, которые регистрируются датчиками позиционирования встречных кораблей, техническими станциями коммуникационных линий.

Владимир окинул нас гордым взглядом инженерного превосходства.

— И... Как это нам поможет? — пока не понимал всей гениальности озвученных идей командир.

Да и не только командир. Во всяком случае, я тоже принадлежал этой группе ни чёрта не понимающих.

— Да очень просто! Двигатель ещё работоспособен, только перемещаться мы не можем. Потому выведем его на запредельные нагрузки и вариациями мощности будем модулировать сигнал СОС и наши координаты! Что уже возможно принять или проходящим кораблем, или технической станцией обслуживания транспортных линий.

— Действуйте!

Все вокруг радостно зашумели и только кок сохранял гордое молчание.

— В знак признания заслуг перед экипажем «Индигира» присваиваю коку звание — Шеф-кок! — под одобрительный гул торжественно провозгласил командир.

Когда на лежащем «Индигире» включили на полную мощность двигатель Павлова, окружающее пространство покрылось мелкой рябью, став более похожим на трясущееся желе — омерзительно зыбкое и студенистое. Присутствующим пришлось даже плотнее стиснуть зубы, что бы они не выдавали «Танец с саблями» Хачатуряна. Как ни крути, место для самодеятельного квартета на зубах совсем неподходящее. Да и благодарных слушателей на Мас-а-Тьерра днём с огнём...

— Надеюсь, на здоровье не скажется негативно, — с огромным сомнением в голосе изрёк Евген.

— Инженеры заверили, что всё будет тип-топ, — бодро ответил командир.

— Знать бы ещё, что это за Тип-топ такой, — тем не менее продолжил сомневаться второй пилот, — Может, он мне не понравится!

Двигатель Павлова работал на износ с полчаса и затем, коротко взвизгнув, издох.

— Должно было хватить. — Из люка появились довольные результатами Владимир и Василий.

Они-то во время работы двигателя Павлова благоразумно скрывались за искорёженной обшивкой «Индигира», мотивируя тем, что присутствие инженеров просто необходимо для контроля. Но я в такой уж крайней необходимости сильно засомневался. Однако подозрительная рябь пространства исчезла с выключением двигателя, и время его работы не сказалось на моём самочувствии заметным ухудшением. Во всяком случае, пока.

— Ну, что ж... — Командир пожал плечами. — Остаётся только ждать результатов эксперимента с новым видом связи.

В честь отправки сигнала СОС решено было устроить праздничный ужин. Шеф-кок расстарался на разнообразнейшие закуски для шведского стола. Благо, пищевого субстрата, из которого синтезировалось всё это богатство, у нас оставалось предостаточно. А командир в честь торжества момента временно снял запрет на выгонку рома. Говорят, во времена, когда корабли были деревянные, а моряки железные, но не наоборот, экипажу в обязательном порядке выдавалось спиртное. Вот никогда не возражал, чтобы возвращались добрые флотские традиции.

И никто уже не удивлялся самым замысловатым формам и цвету готовых блюд от Шеф-кока.

— А как мы узнаем, что сигнал дошёл? — спросил я у Владимира.

Ужин был в полном разгаре, шведский стол уже изрядно оскудел, а Шеф-кок в поте отсутствующего лица трудился над очередной выгонкой. Напряжение последних дней благодаря старым флотским традициям отпустило, и мы, расположившись на удобной полянке среди цветов, мирно мечтали о скором возвращении домой.

— С антеннами у нас полный швах, и потому ни мы им, ни они нам обычной связью ничего передать не в силах. Видимо, сигналом послужит вхождение в атмосферу спасательного бота.

— Интересно, как скоро?

— Много от чего зависит. Когда приняли, когда сумели понять, что это не обычный шум космоса, а сигнал о бедствии, в каком месте галактики находятся ближайшие корабли. В общем, при самом благоприятном стечении обстоятельств — месяц-два.

— Ого! Долго.

— Не длиннее Вечности.

— Ну-у, если исходить из такой шкалы отсчёта...

Мы посмеялись и подняли за благополучное прохождение сигнала СОС.

С утра все пребывали в приподнятом настроении. Шеф-кок, стоит признать, в деле винокурнии показал себя отменным специалистом — головы не болели, никого со вчерашнего не мутило.

Оперативку по традиции открыл Семён:

— На сегодня задача одна — подготовить условия для комфортного жительства до прибытия спасателей. Всё необходимое имеется. Фауна и флора в нашем метеоритном закутке вполне благоприятны для человека. Но на всякий случай аппаратуру отпугивания летающих «драконов» держим в готовности. По расчетам, спасатели прибудут в течение месяца-двух.

И уже обращаясь к инженерам:

— Есть уверенность, что сигнал будет принят?

— В этом сомнений нет. Ретрансляционные станции транспортных линий анализируют любые колебания гравитационного поля и впоследствии передают информацию о выбивающихся из привычного фона на Землю. Там их уже изучают профильные специалисты. Так что, сигнал точно принят. А вот сроки прибытия спасателей зависят от прохождения информации по инстанциям, и когда она попадёт человеку, наделённому соответствующими полномочиями. Что поделаться, обычная земная бюрократия.

Неприятно, конечно, находясь так далеко от Земли, зависеть от бюрократической волокиты. Правда, и вблизи радости от общения с ней никакой.

Дни потекли однообразной чередой — сон, пробудка, зарядка под бдительным оком командира, приборка, завтрак, работы по сбору и анализу инопланетной флоры с фауной, вторая приборка, обед, адмиральский час, свободное время, отбой. Для желающих инженеры затеяли учебные часы по осваиванию электронных премудростей, тем более что с учебной базой проблем не возникло, поскольку электроника имелась в разнообразнейшем виде и состоянии — и работоспособная, и разобранный. Евгений с Георгием увлеклись рыбалкой в пруду. Смастерили себе удочки и часами сидели до самого отбоя в надежде выловить чудо-рыбу. Правда, в этом пруду рыб-то как раз и не водилось. И когда, не понимая цели бестолкового сидения, я спросил об этом, ответил Гера:

— Рыбалка — это не вылов рыбы в промышленных масштабах, а сам процесс ожидания поклёвки. Сродни медитации.

И я согласился, что если с этой стороны взглянуть на замершие у воды фигуры, то сам процесс у них безупречен.

Однажды, когда Владимир объяснял принцип действия управляющих систем двигателя Павлова, а рыболовы медитировали над удочками, знакомое уже «копье» воткнулось неподатливо от преподавателя.

— Это что за...

Мы задрали головы, не понимая, откуда оно могло прилететь. А там, на порядочной высоте, парили три знакомых уже силуэта. Вдруг от одного отделилась едва заметная чёрточка, и постепенно увеличиваясь в размерах, полетела прямо на нас!

— Воздух! — истошно закричал Василий, и все кинулись врассыпную.

«Копьё» воткнулось точно туда, где мгновение назад чинно сидел дисциплинированный класс. Рыбаки также вскочили и, побросав удочки и наплевав на непойманную рыбу, кинулись в сторону пещеры.

— Всем в укрытие! — подал команду командир и уже на бегу прокричал инженерам, — Заводите «шарманку»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.